

В.Я.БРЮСОВ В 1916 ГОДУ: ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Для армянских исследователей и читателей 1915-1916 годы в жизни Брюсова связаны в основном с его работой над антологией «Поэзия Армении». Этот титанический труд в значительной степени оценен и в Армении и в России, но при этом возникла ситуация, когда все остальные аспекты его творчества этих лет остались в тени. Так, ни в монографии Д.Е.Максимова, ни в работах С.И.Гиндина, как и других крупных брюсоведов, практически нет анализа и освещения этого периода его жизни и творчества. В 1916 году увидел свет сборник стихотворений «Семь цветов радуги», куда вошли произведения, написанные в 1912-1915 гг., однако мы не будем оценивать этот сборник, который нуждается в современном осмыслении и интерпретации. Заслуживает внимания тот факт, что в те же самые месяцы, когда создавалась «Поэзия Армении», Брюсов одновременно работал над подготовкой к изданию других сборников национальных литератур, из числа которых в свет вышли «Сборник латышской литературы» и «Сборник финляндской литературы». В этот же период поэт принимал активное участие и в «Еврейской антологии». Создание сборников национальных литератур проходило в очень сложной общественной обстановке, в годы участия России в I Мировой войне. Организация переводов для всех этих сборников не была легким делом. Работа над новыми сборниками национальных литератур не сопровождалась таким творческим подъемом, как работа над «Поэзией Армении», но это была осознанная, целенаправленная деятельность.

Широкая осведомленность, знание особенностей латышской литературы, а также личные контакты Брюсова с латышским писателем В.Эглитисом (который с 1904 года помещал в «Весах» обзоры латышской литературы), помогли Брюсову составить поэтический отдел «Сборника латышской литературы». В этой книге особое место было отведено творчеству Яна Райниса,

помещено сорок его произведений и пьеса «Золотой конь». Почти все произведения переведены Брюсовым, уровень этих переводов высоко оценивался как в период их публикаций, так и в современной критике. Известно, что сам Ян Райнис доверял свои произведения для перевода только Брюсову. В сборник вошли переводы Брюсова произведений и других видных представителей латышской поэзии: Аспазии, А.Пумпура, Я.Порука, И.Акуратера, Фаллия. Некоторые переводы Брюсов печатал под псевдонимами – В.Спасский, В.Бакулин. Характерная особенность брюсовского отношения к поэзии переводимых литератур – это особое внимание к народной поэзии. Так, в «Сборник латышской литературы» включены латышские народные песни в переводе Брюсова (напомним, что и армянская народная поэзия была включена в сборник «Поэзия Армении» по его настоянию).

Если антология «Поэзия Армении» широко рецензировалась в России, то сборник латышской и финской литератур непосредственно в годы после издания не получили отклика на страницах русскоязычной печати. Позже «Сборник латышской литературы» получил адекватную оценку в критике, а «Сборник финляндской литературы» оказался менее замечен, хотя в нем представлены брюсовские переводы более десяти выдающихся финских поэтов. Брюсов апробировал некоторые из этих переводов на страницах газет и журналов: в «Летописи», в «Утре России». Почти во всех переведенных произведениях отразились патристические мотивы, воспевание Финляндии (Топелиус З. «Имя Финляндии»; Рутенберг И.Л. «Верный сын Финляндии скалистой»; Эркко «Песня Вуоксы» и др.). Предыстория этого сборника была довольно сложной, в подготовке издания большую роль сыграли личные отношения Брюсова и М.Горького. Только благодаря их пристальному интересу к литературам «малых» народов России в тревожные военные годы были изданы сборники национальных литератур «малых» народов России.

Выход в свет «Еврейской антологии», в которой Брюсов представил свои переводы таких выдающихся поэтов как Х.Н.Бялик, Я.Фихман, Я.Коган, С.Черниковский, очень долго замалчивался, только в 2003 году в журнале «Русская литература» (N2) появилась публикация Э.И.Мазовецкой на эту тему.

Нельзя не отметить, что в книге «Неизвестный Брюсов» (Ереван, 2005) полностью представлены републикации сделанных с подстрочника Брюсова переводов с иврита.

Большую часть из весьма многочисленных переводов, опубликованных Брюсовым в 1916 году, конечно, составляют отдельные публикации произведений армянских поэтов, но, вместе с тем, он обращается и к таким именам классиков мировой литературы, как Шекспир, Гораций, Шелли, Габриеле Д'Аннунцио. Если интерес Брюсова к творчеству Г.Д'Аннунцио длился на протяжении ряда лет, то нельзя не заметить, что единственный перевод из Шелли («Озимандия») опубликован именно в этот год.

В этот период, в 1916 году, были изданы также брюсовские переводы отдельных стихов Верхарна и издание его сборника «Собрание стихов» – в 1915 и, дополненное, – в 1916 году. Интерес Брюсова к творчеству бельгийского поэта продолжался на протяжении многих лет, еще в 1906 году он издал свои переводы поэм Верхарна отдельной книгой [Верхарн 1906]. Он перевел не только отдельные стихотворения Верхарна, но и его поэмы и крупные произведения (трагедию «Елена Спартанская»). В 1916 году Брюсов откликнулся на смерть Верхарна несколькими статьями, в одной из которых он писал: «Это одна из тех смертей, с которыми примириться трудно. Ушел от нас поэт, от которого мы вправе были ждать еще много замечательных созданий» [Брюсов 1917(2):4]. Брюсов считал, что это был не просто несчастный случай: «Верхарна убила война». В статьях, опубликованных в 1916 и в 1917 гг. (в связи с годовщиной со дня смерти) Брюсов пишет не только о творчестве своего любимого поэта, но и воссоздает его облик, подчеркивает его обаяние, одна из статей так и называется – «Обаяние Верхарна» [Брюсов 1916(3):3]. Почти во всех статьях этого года Брюсов вспоминает о его приезде в Москву зимой 1913-14 гг., рисует портрет бельгийского поэта: «пленительный образ невысокого, уже сгорбленного старика, с добродушно-проницательными глазами <...> с небрежно откинутыми поседелыми кудрями и с большими усами, придававшими какую-то особую ласковость легкой, чуть заметной улыбке» [Брюсов 1916(4):23].

Охарактеризовав поэтические сборники Верхарна, русский поэт замечает, что «европейская критика признает Верхарна "поэтом города", хотя не меньшее право имеет он на наименование "поэта деревни" за свои проникновенные изображения явлений природы» [Брюсов 1917(2):1], а «стихи последних лет жизни Верхарна посвящены вечным мировым вопросам», у него есть и чисто лирические, интимные стихи [Брюсов 1917(2):1]. Брюсов замечает, что в статье невозможно оценить литературное наследие Верхарна, для этого нужны целые тома исследований.

Личные отношения поэтов были очень теплыми (Брюсов упоминает о более 200 письмах за двенадцать лет); Брюсов навещал Верхарна в его доме под Руазеном в одной из бельгийских провинций [Брюсов 1916(5):62]. Он отмечает его «ненасытную любознательность», особенно – желание узнать русскую живопись, иконопись, архитектуру. Брюсов неоднократно посылал Верхарну различные издания по русскому искусству, которые производили на Верхарна большое впечатление. В своих письмах к Брюсову бельгийский поэт, перу которого принадлежат многочисленные публикации о Рембрандте, Рубенсе и др., высказывает свои личные оценки работ русских художников: Билибина, Борисова-Мусатова, Сомова, Врубеля [Брюсов 1917(2):6]. Конечно, в этой статье Брюсов приводит мнения Верхарна и о русских писателях: «В разговорах со мной он восторженно отзывался о Льве Толстом и Достоевском: Тургенев нравился ему гораздо менее» [Брюсов 1917(2):7], а французские стихи Тютчева он встретил достаточно холодно. Из новейшей русской литературы Верхарн близко знаком был с творчеством Мережковского, «очень сочувственно отзывался о Бальмонте». Брюсов отмечает, что Верхарна очень интересовали переводы его произведений на иностранные языки (перевод драмы «Елена Спартанская» он поручил Брюсову), а также сценическая судьба его драм. В этой же статье русский поэт приводит анализ постановок драм Верхарна на театральных сценах Европы. Брюсов считает, что рецензии Верхарна на переводы своих произведений не «славолюбием», а осознанием «международного и мирового значения своего творчества» [Брюсов 1917(2):3]. Брюсов не замалчивает и обиды бельгийского поэта на академические круги Франции, которые не признавали в

Верхарне французского поэта, хотя он всегда писал по-французски.

В статье «Эмиль Верхарн и Московский Литературно-Художественный Кружок» Брюсов постарался осветить все аспекты творческих отношений Верхарна с членами Кружка, по приглашению которых он приехал в Россию, и те особые «причины», по которым члены Кружка «острее многих почувствовали эту общечеловеческую потерю» [Брюсов 1917(6):9]. В этой работе Брюсов подчеркивает, как изменилась жизнь бельгийского поэта в годы I Мировой войны: вынужденный покинуть свой дом, он продолжал читать публичные лекции о совершающейся мировой трагедии, печатать корреспонденции с линии фронта, писал «пламенные поэмы в войне, воздавая честь героям Льежа и Памюра и клеймя преступления германцев». Заслугой Кружка Брюсов считает и то, что благодаря ему «великий бельгийский поэт глубоко и твердо вошел в русскую литературу, ибо его поэзия давно стала знакомой, дорогой и как бы родной русскому читателю» [Брюсов 1917(6):11].

За 1916 год Брюсовым написано более пятидесяти статей и рецензий, в том числе – на театральные постановки, и доклад «Реальные задачи театра». Мнение Брюсова как театрального критика и теоретика условного театра было очень авторитетным для его современников. В.Мейерхольд писал поэту (2/III 1907): «Вы должны отдать частичку себя театру, это будет очень важно для Русского театра, который без кормчего» [Мейерхольд 1976:82]. В статье «Реализм и условность на сцене» (1908) Брюсов заявлял, что «в каждом искусстве есть свой элемент реализма и свой условности», поэтому новый театр должен уметь сочетать в своих исканиях оба эти элемента. Самой интересной из театральных рецензий нам представляется статья о постановке драмы Д.Мережковского «Будет радость» в Московском Художественном театре (постановщик Вл.Немирович-Данченко, художник М.В.Добужинский, в главных ролях – В.И.Качалов, М.П.Лилина и др.). Брюсов неоднократно писал о поэзии и прозе Мережковского [Даниелян 2004:223], но это единственная его статья о его драматургии, которая, за исключением драмы «Павел I», не поль-

зовалась успехом у критики, считающей его пьесы опытами в жанре «театра идей».

Пьеса Мережковского «Будет радость» вызвала большое количество разочарованных откликов: Вяч.Иванов в своем отзыве отмечает, что Мережковский написал «глубоко унылую и нудную драму», провозгласил к «огорчению зрителя» «объединение между богоискательством и старым народничеством» («Утро России». 1916. 13 февр.); Л.Андреев считает пьесу «бездарной насквозь, нет единой, даже случайной искры... Лжет настойчиво, лжет холодно, нагло и бесстыже» [Андреев 1971:290]. Отзыв Брюсова звучит в унисон с отзывами других рецензентов. В своей развернутой статье [Брюсов 1916(10):2] он писал, что новое произведение Мережковского – «событие в литературе», что «большой писатель» как бы «давал обещание показать если не радость, то пути к ней». Брюсов комментирует все содержание пьесы, подчеркивая, что интрига предсказуема, она «завязывается именно так, как то можно предугадать с самого начала», что драма написана по всем канонам подлинной трагедии, в ней есть все элементы, которые «еще Аристотель считал необходимым для подлинной трагедии», что «действующие лица обрисованы резко и психологически глубоко», но все они представляют типы, традиционные для русской литературы. Сюжет пьесы основан на различии взглядов на мир у «отцов» и «детей». Брюсов спорит с автором и по поводу самой идеи пьесы, считая, что драма – «не верна исторически». По Мережковскому, путь к радости лежит через религию; «радость» в драме не показана и не доказана, «она только обещана». Брюсов оценивает и оформление спектакля («милые и свежие декорации М.В.Добужинского»), и игру актеров Художественного театра (П.О.Массалитинова, М.П.Лилиной, В.П.Качалова и др.), но, как и в 1902 году, упрекает Художественный театр в том, что на сцене вновь присутствует та же «ненужная правда», против которой он выступал.

Брюсова интересуют постановки пьес не только известных авторов, его рецензии удостоивается и драма малоизвестного С.Шиманского «Кровь» [Брюсов 1916(11):4], поставленная в театре Корша, сюжет которой взят автором из уголовной хроники. Брюсову представляется интересным образ главного героя – Иг-

натия: это преступник, аферист, но он и «поэт аферы», которого влекут не сами деньги, а «ловкость, сметка, изворотливость», при этом он и сам «доверчив до наивности». Сюжет пьесы запутан, поэтому постановка ее «представляла большие трудности», режиссеру надо было сгладить «несообразности фабулы». Брюсов считает, что ни режиссер, ни актеры не справились со своей задачей: «при чтении драма производила лучшее впечатление, нежели ее представил театр». В этой оценке вновь отразились требования Брюсова к умению театра сочетать элементы реализма и условности [Брюсов 1916(11):4].

В 1916 году от внимания Брюсова не ускользает ни одна интересная постановка, причем его интересуют не только спектакли Художественного театра. Все рецензии он печатает в газете «Утро России», с интервалом в несколько дней. Внимания удостоилась и пьеса В.К.Винниченко «Ложь», поставленная в театре Незлобина [Брюсов 1916(12):5]. Брюсов, как всегда, касается и сюжета пьесы и его реализации, отмечает надуманность замысла этого произведения. Героиня лжет «во спасение», но «ложь Натальи Павловны слишком рациональна», она знает, когда лжет и зачем. Содержание пьесы В.Винниченко – оправдание лжи, что, конечно, не всегда удобно в практической жизни, «жажда правды» доводит Наталью Павловну до самоубийства. Брюсов считает, что образы героев «бесцветны», удачнее – второстепенные действующие лица. Актриса М.Ф.Андреева в основном воплотила образ Натальи Павловны, хотя ей «недоставало разнообразия в игре» [Брюсов 1916(12):5].

Статьи и рецензии Брюсова читались и оценивались до того внимательно, что буквально на следующий день после выхода этой статьи он вынужден был объясняться по поводу своей ссылки на мнение Канта [Брюсов 1916(13):5]. Брюсов напоминает один эпизод из жизни великого философа: в 1793 году, Кант получил грозный именной указ Фридриха Вильгельма, запрещающий в будущем издавать сочинения, подобные его «Религии в пределах чистого разума». Кант дал обещание «впредь совершенно воздерживаться от всякого публичного изложения всего, касающегося религии». Но у себя в бумагах философ записал: «Если все, что говоришь, должно быть истинно, то, тем не менее,

человек не обязан гласно высказывать всякую истину». Эту запись Брюсов и использовал в своей рецензии, еще раз подтвердив свой исследовательский интерес к творческому наследию немецкого философа.

Брюсова интересовали пьесы не только русских, но и иностранных авторов. Очередной пример подобного внимания - оценка постановки пьесы Карэн Брамсон в Малом театре [Брюсов 1916(14):7]. Эту пьесу норвежской писательницы Брюсов считает сюжетно очень близкой к пьесе В.Винниченко. В пьесе Брамсон «еще раз – оправдание лжи», которая дает счастье персонажам пьесы. Брюсов считает, что «характеры героев фальшивы, диалоги – риторичны или шаблонны, положения – натянуты». Ему показалось, что артисты Малого театра играли слабее обычного, слишком по-театральному, с условными интонациями, хотя он выделяет игру А.И.Южина, который «дал очень типичную фигуру старика-военного» [Брюсов 1916(14):7].

Театральные взгляды Брюсова выразились не только в рецензиях, но в первую очередь в докладе «Реальные задачи театра», который он прочитал в Камерном театре 8 февраля 1916 года. Доклад вызвал большой интерес в театральном мире, что отразилось и в ряде откликов в прессе. К сожалению, доклад был опубликован в малотиражном журнале «Известия Московского литературно-художественного кружка» (1916, вып. 13, март) и в полном объеме долго не был известен исследователями [Брюсов 1916 (15):5]. Главная цель театра сформулирована Брюсовым однозначно – это его обращенность к народу. Проблема взаимоотношения театра и народа волновала Брюсова многие годы; поэт посвятил несколько статей, написанных в разные годы (1909, 1915), но наиболее четко он определяет эту проблему в выступлении в Камерном театре: «Театр должен, принужден, по самой своей сущности, быть слитым с определенным движением в обществе»; хотя докладчик понимает, что общество неоднородно, «не представляет собою одну, безразличную массу: оно делится на группы с разными идеалами, с различием художественных вкусов и принципов». Брюсов приходит к выводу, что перед художником стоит необходимость выбора сцены, театр должен иметь свою публику, свой круг зрителей. В рецензиях на это вы-

ступление было отмечено, что Брюсов подчеркнул связь театра со всем строем культуры и искусства вообще» (Утро России. 1916. N40. 9 февр.). Он считает, что «театр вне общества невозможен, не существует»; театр может обратиться только к современникам, а не к «следующим поколениям», он «должен иметь свою публику, свой круг зрителей», «театр должен быть кому-то нужен». Брюсов подчеркивает и роль актера в театре: «Как бы ни была умна пьеса, при самой оригинальной постановке без игры актера нет театра».

Как всегда, от внимания Брюсова-критика не ускользают опубликованные книги, тематически связанные с его театральными интересами. Так, одну из рецензий он посвящает переводам И.А.Аксеновым пьес английских драматургов [Брюсов 1916(16):38]. Он считает, что «труд г. Аксенова является весьма желательным», потому что на русском языке существует мало работ об английских драматургах XVI-XVII вв. Переводы драм Дж.Форда, Дж.Уэбстера и К.Тернера «составляют приобретение для нашей литературы», хотя «перевод исполнен старательно и близко к подлиннику, но читается не без труда».

Высоко оценивает Брюсов издание пьес Еврипида в переводе И.Анненского [Брюсов 1916(17):83]. Он отмечает, что хотя в первом томе представлены не «высшие достижения великого эллина», но и они дают «образцы поразительного проникновения в психологию сильных драматических положений и подлинной поэзии». Брюсов отмечает, что И.Анненский заменил ямбический триметр подлинника пятистопным ямбом, но благодаря этому «перевод читается удивительно легко».

Интерес к театральным проблемам отражается в многочисленных рецензиях Брюсова на книги по истории театра. Одна из них посвящена книге И.А.Игнатова [Брюсов 1916(18):7], в которой вновь рассматриваются взаимоотношения театра со зрителем, обсужденные в докладе 1916 года «Реальные задачи театра».

Важным аспектом литературоведческой деятельности Брюсова является изучение творчества Пушкина, которого он называл «полубогом русской поэзии». Исследователи насчитывают 82 статьи Брюсова о Пушкине, но многое еще остается неопубликованным. Его научные интересы разнообразны: это текстологиче-

ские и биографические, историко-литературные и стиховедческие исследования, а также работа в качестве редактора и издателя пушкинских текстов. При жизни Брюсова не все его штудии адекватно воспринимались пушкиноведами, видимо, это было связано с тем, что Брюсов-критик чрезмерно жестко подчеркивал ошибки своих оппонентов; но надо признать, что и его работы не всегда были точны и безупречны. В последние десятилетия появились исследования о Брюсове-пушкинисте, но в них обойдены вниманием его работы, написанные в 1916 году, а их немало – десять статей и рецензий, большинство из которых носят полемический характер.

Особенно большое внимание уделяет Брюсов атрибуции новооткрытых текстов Пушкина, которые часто публиковали Н.Лернер и М.Гофман. Рецензии эти носят очень резкий характер, одна из них: «Новая клевета на Пушкина» [Брюсов 1916(19):172]. Признавая некоторые заслуги исследователя Лернера, составление им «хронологической канвы» жизни Пушкина, Брюсов упрекает его в том, что в последней из целого ряда его статей в «Литературной газете», Лернер приписывает Пушкину рецензию на трагедию Н.Станкевича «Василий Шуйский». Это вызывает у Брюсова резкое негодование, он считает, что эта публикация бросает тень и на Пушкина, и на все научные публикации Лернера, и даже дает републикацию полного текста этой малограмотной статейки, «произведения почти безграмотного и глубоко бездарного» со своим комментарием.

Очень резко Брюсов-критик выступил против профессора Н.Н.Фирсова [Брюсов 1916(20):110], который в комментариях к «Истории Пугачевского бунта» обвинил Пушкина в искажении фактов ради получения обещанного царем денежного вознаграждения, в неразработанности вопроса о пугачевщине, в том, что поэт «не был подготовлен к историческим работам», не имел для них «технических навыков» и т.д. Брюсов возмущен тем, что этот форменный «разнос» Пушкина помещен в XI томе его «Сочинений», хотя критика подобного рода никогда не входила в программу академического издания. Брюсова возмущает и тот факт, что работа Н.Фирсова, объемом в 320 страниц, занимает почти половину всего XI тома издания «Сочинений Пушкина». Брюсов

скрупулезно опровергает все отмеченные «ошибки» Пушкина, считает, что критика проф. Фирсова, прямая цель которой «умалить значение Пушкина как автора исторического труда», «безусловно, пристрастная». Необходимость осторожного отношения к «новонайденным» текстам Пушкина неоднократно становилась темой полезных и актуальных заметок Брюсова [Брюсов 1916(21):2]. Но и сам Брюсов публиковал пушкинские тексты, можно назвать его такие книги, как: «Письма Пушкина и к Пушкину» (М. 1903); «Лицейские стихи Пушкина» (М.1907). Эти часто рецензируемые издания сыграли свою роль в пушкиноведении, однако внимание исследователей не привлекла очень интересная по форме и содержанию большая статья Брюсова «Marginalia Pushkiniana (Заметки на полях сочинений Пушкина)» [Брюсов 1916(22):397] Брюсов считает, что авторы заметок о Пушкине должны иметь перед собой определенную цель: сообщать что-либо новое именно о Пушкине. Заметок-комментариев (жанр которых трудно точно определить) всего четырнадцать (XIV), но они разнятся по содержанию и по объему. Некоторые из них уточняют тексты и даты написания отдельных строк из стихотворений Пушкина, исследуют звуковые построения, которые, «как всегда у Пушкина, глубоко соответствуют содержанию каждого стиха и создают особую звуковую изобразительность».

Брюсов отмечает, что Пушкин первым в русской литературе употребил в эпиграмме четырехсложные рифмы, первым держивал во всем стихотворении одну рифму, что присуще восточной поэзии, а брюсовская реконструкция черновой наброска стихотворения Пушкина «Дельвигу» продолжает оставаться предметом внимания пушкиноведов.

Брюсов активно занимался исследованием поэтики Пушкина, поэтому он приветствовал появление историко-литературного сборника «Пушкинист» (под ред. С.А.Венгерова) [Брюсов 1916(23):79], в котором отметил «истинно реальные» методы филологического исследования. В этой обширной статье Брюсов представил обзор предшествующих пушкиноведческих работ, в котором доказывает, что до начала XX века целью критических работ было «объяснить творчество Пушкина и его личность, а не изучить». Автор статьи резюмирует, что только через 100 лет после

рождения поэта было начато научное издание произведений Пушкина, считает, что оба выпуска «Пушкиниста» содержат ценный и разнообразный материал, особенно приветствует в них участие молодых ученых.

Среди работ, заслуживших пристальное внимание Брюсова-критика, может быть названа книга П.Е.Щеголева, которого он считает «одним из наших лучших пушкинистов», а его заслугой то, что исследователю удалось собрать едва ли не исчерпывающий материал относительно последних дней жизни Пушкина. П.Е.Щеголев сделал новые и крайне любопытные выводы, позволившие пересмотреть отношение Жуковского к семье Пушкина, а также к личности Дантеса. Брюсов считает, что всем, кто интересуется личностью и творчеством Пушкина, непременно надо ознакомиться с новой работой П.Е.Щеголева [Брюсов 1916(24):37].

В 1916 году Брюсов рецензирует XXIII-XXIV выпуск серии «Пушкин и его современники» [Брюсов 1916(25):38]. В его заметке перечислены ценные материалы, опубликованные в сборнике, а также многие неточности и неверную атрибуцию статей, приписываемых Пушкину (из «Литературной газеты»).

Изучение стихотворной техники Пушкина Брюсов в эти годы считает самой актуальной задачей пушкиноведения, сам пишет несколько статей о поэтике пушкинского стиха, поэтому не удивительно, что его внимание привлекают работы подобной направленности; в одной из рецензий 1916 года им рассматривается книга С.Боброва «Новое о стихосложении Пушкина» [Брюсов 1916 (26):49], хотя Брюсов фиксирует чисто формалистический подход исследователя: «Брошюра С.Боброва примыкает к тому новому течению в истории литературы и критики, которое стремится изучать стих поэта на строгих математических основаниях». В брюсовских исследованиях метрики, ритмики, строфики Пушкина были уже намечены те принципы изучения пушкинского стиха, которыми стала руководствоваться целая группа ученых 20-х-30-х годов. К сожалению, все эти статьи Брюсова о Пушкине помещены в малодоступных изданиях, они не переиздавались после первой публикации и почти не оценены в литературоведении.

В 1916 году Брюсов продолжает рецензировать многие из книг, вышедшие в России. Среди заметок-откликов на издания мировой классической литературы надо отметить рецензию на «Сочинения» Лукиана [Брюсов 1916(27):49], в которой автор пишет, что Лукиан – «античный Вольтер» – один из немногих писателей древности, которых можно читать и без комментария, знакомясь с мифами о богах и героях, с жизнью и духом античного мира. Брюсов рекомендует подготовленному читателю ознакомиться и с книгой Р.Вишпера об истории Греции [Брюсов 1916(28):37], в которой сжато, но обстоятельно излагается история Эллады, «на всем протяжении от Гомера до гибели независимой Греции». Брюсов, знаток античной литературы и истории, особо подчеркивает, что в книге «много самостоятельных суждений и новых точек зрения, принадлежащих автору» [Брюсов 1916(28):37].

Брюсов, еще в 1911 году издавший исследование о жизни и сочинениях Децима Магна Авсония, вновь обращает внимание читателей на одно из его произведений [Брюсов 1916(29):205], изданное в 1500 году в Лейпциге. Эта заметка подтверждает неугасший интерес Брюсова к творчеству Авсония, стихотворения которого он переводил на протяжении ряда лет (1911, 1917, 1918).

Взаимоотношения Брюсова и проф. С.А.Венгерова всегда были не только дружескими, но и творчески активными, поэт всегда участвовал во всех начинаниях Венгерова (издание сочинений Дж.Байрона, В.Шекспира, А.С.Пушкина, Данте и др.), поэтому естественно, что он рецензирует издание Венгерова [Брюсов 1916(30):82]. Брюсов считает, что «Словарь», включающий обширный материал, часто является единственным источником сведений, а обширное предисловие Венгерова, охватывающее всю историю русской литературы, «читается с захватывающим интересом».

Брюсов всегда оставался активным литературным критиком, в сферу его внимания, естественно, входят и книги русских поэтов и писателей: М.Волошина, И.Эренбурга и др. Рецензия на книгу М.Волошина [Брюсов 1916(31):2] очень противоречива; автор не может не отметить, что Волошин говорит «напряженно

и вычурно» о сложном и глубоком, его отличает «намерение говорить непременно умно, непременно красиво, непременно оригинально». В то же время Брюсов отмечает, что книга Волошина о войне – «благородное исключение» среди современных «военных стихов»; она читается с волнением, источник которого – «не в поэте, а в величии переживаемого момента»; особенно высоко Брюсов оценивает стихи Волошина о Париже в дни войны, «им можно радоваться непосредственно».

С Эренбургом Брюсова связывали долгие творческие отношения, он одним из первых оценил «Стихи» Эренбурга (1910) и выразил мнение, что он «обещает выработаться в хорошего поэта». Отзывы Брюсова о следующих сборниках стихов Эренбурга носят скорее негативный характер (1912). Нас интересует развернутая рецензия о нескольких книгах и переводах И.Эренбурга [Брюсов 1916(32):5]. С одобрением отмечая современность его стихов, Брюсов пишет, что его «поэзия искренняя», рожденная «в тоске и муках», она адресована «новому читателю», в ней отражается «гражданский гнев поэта». Оценка же его переводов резко негативна: Брюсов считает, что «И.Эренбург – плохой переводчик», так как он слишком удаляется от оригинала, заменяет целые стихи своими измышлениями. Восхищавшийся произведениями Ф.Вийона, этой «чрезвычайно красочной фигурой даже на ярком фоне XV века», Брюсов выражает надежду, что другие переводчики французского поэта не станут «русифицировать» его творчество, а постараются «передать колорит эпохи и среды». В той же рецензии Брюсов отмечает, что «в ранних стихах И.Эренбурга слышались отзвуки поэзии К.Бальмонта, А.Блока и, кажется, стихов пишущего эти строки». Заметим, что «отзвуки» эти скоро исчезли, а И.Эренбург стал выдающимся русским писателем.

Среди работ Брюсова, сохраняющих свою значимость до настоящего времени, отметим статью «Иван Коневский» [Брюсов 1916 (33):150], в которой дается характеристика этого поэта, рано завершившего свой творческий путь. Это пятый, значительно расширенный вариант написанного в 1901 году некролога с подзаголовком «Мудрое дитя». Личные отношения Брюсова с И.Коневским (Ореусом) длились всего два с половиной года, но

их переписка и все варианты статей Брюсова опубликованы. Гибель Коневского оказалась для Брюсова «горестной потерей», он никогда не забывал о сподвижнике. Как считают современные исследователи [Лавров 1991:439], Брюсов был первым писателем, осознавшим место и значение Коневского в истории русской поэзии, единственным, кто смог точно охарактеризовать его короткий творческий путь и воссоздать его образ.

Статья Брюсова «И.Северянин» [Брюсов 1916(35):9] вобрала в себя характеристику их неровных личных и литературных отношений. Брюсов положительно отозвался о ранней поэзии Северянина, хотя видел его недостатки, он и впоследствии неоднократно рецензировал книги Северянина, но только «Громокипящий кубок» считал книгой «истинной поэзии». Статья эта, по объективным причинам, подвела итог дореволюционного поэтического творчества Северянина. Эта статья могла бы носить более резкий характер, если бы Брюсов стал отвечать на весьма дерзкие выпады Северянина и в адрес поэтов-современников, и в свой адрес. Эта работа включает много общетеоретических вопросов, а также рассуждения об отличиях истинного поэта от подражателей; при этом Брюсов подчеркивает значимость «человеческой личности творца», необходимость для него иметь «широкие умственные горизонты». По мысли Брюсова, отличительные черты поэзии Северянина – сочетание иноязычной лексики с неологизмами, созданными не по нормам русского языка, соединение таланта и пошлости, смешение всех культур, «ироническое отношение к жизни». Назначение Северянина, по Брюсову, – возродить сатиру в стихах, но ему недостает очень многого (отсутствие знаний и неумение мыслить), чтобы стать поэтом «значительным» – таково резюме Брюсова. В этой статье, несмотря на обилие замечаний, дана в целом высокая оценка творчества поэта, впоследствии же, в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (1922) отношение Брюсова к творчеству Северянина становится еще более критическим.

Нам известны многочисленные лекции Брюсова об армянской литературе, прочитанные в Закавказье, Москве, Петербурге. Но обойден вниманием творческий вечер поэта, который прошел 5 марта в Большой аудитории Политехнического музея, устроен-

ный Литературно-драматическим обществом им. А.Н.Островского в пользу «увечных» артистов-воинов. Во вступительном слове Вяч.Иванов назвал Брюсова «мастером, уже воспитавшим целое поколение поэтов» [Иванов Вяч. 1916:5], сам же Брюсов прочел ряд неизданных стихотворений, с чтением его стихов выступили известные артисты. Вечер, по воспоминаниям современников, был очень торжественным, прошел в дружеской атмосфере, в прессе появились восторженные отклики, изложение выступлений Брюсова и Вяч.Иванова.

Представив в основном переводческую и критическую деятельность Брюсова в 1916 году, мы сознательно не обратились к его художественному творчеству этого периода, которое требует особого рассмотрения с позиций сегодняшнего дня. Но, даже исключив некоторые аспекты его творческой деятельности в 1916 году, мы не можем не восхититься разносторонностью знаний и интересов Брюсова. Хочется еще раз обратить внимание на то, что отсутствие полного собрания сочинений Брюсова не позволяет даже в XXI веке дать полную и адекватную оценку его творческого наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верхарн Э. Стихи о современности. В пер. В.Брюсова. М., 1906.
2. Брюсов В. Эмиль Верхарн (По письмам и личным воспоминаниям) // Русская мысль. 1917. N1.
3. Брюсов В. Обаяние Верхарна (Наблюдения и воспоминания) // Биржевые ведомости. 1916. N15959. 2 дек.
4. Брюсов В. Одна из граней творчества Эмиля Верхарна. // Летопись. 1916. N12.
5. Брюсов В. В гостях у Верхарна // Брюсов В. За моим окном. М., 1913.
6. Брюсов В. Эмиль Верхарн и Московский Литературно-художественный Кружок // Известия Моск. лит.-худ. кружка. 1917. Вып. 17-18.
7. Мейерхольд В. Переписка. М., 1976.
8. Даниелян Э. Брюсов и Мережковский // Брюсовские чтения 2002 года. Ереван. 2004.

9. Андреев Л. Письмо Вл.И.Немировичу-Данченко // Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Тарту. 1971.
10. Брюсов В. О радости и о драме Д.С.Мережковского // Утро России. 1916. N35. 4 февр.
11. Брюсов В. Драма С.Шиманского «Кровь» (Театр Корша. Первая гастроль П.В.Самойлова) // Утро России. 1916. N61. 1 марта.
12. Брюсов В. «Ложь» (Пьеса В.К.Винниченко) // Утро России. 1916. N69. 9 марта.
13. Брюсов В. Два слова о «Лжи» // Утро России. 1916. N70. 10 марта.
14. Брюсов В. После «Лжи» – «Счастье» (Драма К.Брамсон. Малый театр) // Утро России. 1916. N82. 22 марта.
15. Брюсов В. Реальные задачи театра // Известия Моск. лит.-худ. кружка. 1916. Вып. 13. март. Републикацию сМ., Брюсовские чтения 2006 года. Ереван. 2007.
16. Брюсов В. Аксенов И.А. Елизаветинцы. Вып. I. // Известия Моск. лит.-худ. кружка. 1916. Вып. 16. дек.
17. Брюсов В. Театр Еврипида. Пер. И.Анненского. Т. I. // Известия Моск. лит.-худ. кружка. 1916. Вып. 14-15.
18. Брюсов В. Игнатов И.Н. Театр и зрители. Первая половина XIX столетия. М., 1916. // Биржевые ведомости. 1916. N16001. 23 дек.
19. Брюсов В. Новая клевета на Пушкина (По поводу очередного открытия Н.О.Лернера) // Русский архив. 1916. N1-3.
20. Брюсов В. Пушкин перед судом ученого историка // Русская мысль. 1916. N2.
21. Брюсов В. Новооткрываемый Пушкин // Биржевые ведомости. 1916. N15875. 21 окт.
22. Брюсов В. Merginalia Pushkiniana (Заметки на полях сочинений Пушкина) // Русский архив. 1916. N4.
23. Брюсов В. «Пушкинист». Сб. под ред. С.А.Венгерова. Вып. II // известия Моск. лит.-худ. кружка. 1916. Вып. 14-15. сент.
24. **В.Б.Щеголев П.Е.** Дуэль и смерть Пушкина. // Известия Моск. лит.-худ. кружка. 1916. Вып. 16.

25. В.Б. Пушкин и его современники. Вып. 23-24. // Известия Моск. лит.-худ. кружка. 1916. Вып. 16. дек.
26. А-ий. Бобров С. Новое о стихосложении Пушкина. // Моск. лит.-худ. кружка. 1916. Вып. 13. март.
27. **В.Б.** Лукиан. Сочинения. Т. I. // Известия Моск. лит.-худ. кружка. 1916. Вып. 13.
28. В.Б. Проф. Р.Виппер, история Греции в классическую эпоху // Известия Моск. лит.-худ. кружка. 1916. Вып. 16.
29. Брюсов В. Забытое издание Авсония. // Гермес. 1916. N10.
30. В.Б.Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей. Т. I и II. // Известия Моск. лит.-худ. кружка. 1916. Вып. 14-15.
31. Брюсов В. Максимилиан Волошин. Anno mundi ardentis. М., 1916 // Русская мысль. 1916. N6.
32. Брюсов В. Стихи И.Эренбурга // Русские ведомости. 1916. N155. 6 июля.
33. Брюсов В. Иван Коневской // Русская литература XX века. Т. III. М., 1916.
34. Лавров А.В. Вступительная статья. Переписка В.Брюсова с Ив.Коневским // Литературное наследство. Т. 98. Кн. I. М., 1991.
35. Брюсов В. Игорь Северянин // Критика о творчестве И.Северянина. М., 1916.
36. Иванов Вяч. О творчестве Валерия Брюсова // Утро России. 1916. N77. 17 марта.

ELMIRA DANIELYAN – V. BRUSOV IN 1916: THE RENOWNED AND THE UNKNOWN

The paper considers V. Brusov's creativity in 1915-1916, the period that stayed out of the critics' spotlight. In particular, the matter concerns «Collection of Latvian Literature», «Collection of Finnish Literature», «Jewish Anthology», translations from Percy Bysshe Shelly, William Shakespeare, Horace, etc. In 1916 V. Brusov's translations from Emil Verhaeren were also published. The writer penned over fifty articles and theatre reviews. Another relevant aspect was the research on Alexander Pushkin's creative heritage.